

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Retraces its steps.

Роман Зудин

Чудо

Роман Зудин

Чудо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42733629

SelfPub; 2019

Аннотация

История двух братьев, рассказанная на фоне далёкого будущего, после Катастрофы, что унесла жизни всей планеты. История жизни выживших, предательства, тайн, обид, жертвенности, стойкости и любви. Содержит нецензурную брань.

Москва

2019

Дети любили смотреть в предрассветное небо. Оно не умело лгать. Его широкое открытое лицо было бесхитростно и смотрело во все глаза на мир, что давно потерял свою чистоту, стал хитрым, алчным, и жажда его порой доходила до небес. Нельзя этого скрыть, как бесполезно и глупо хмуриться небу, пряча среди туч, облаков, сумерек и бесконечного недовольства себя истинного: чистоту и глубину, девственный румянец и бесконечное ожидание.

Но было в нём ещё кое-что. То редкое, что обычно знают все, но видят немногие и даже единицы.

Волшебство.

Дивный, странный дар далёких предков, что те же люди, но не похожи на нас ни в чём. Души у них легче, тела мозолистей, взгляд тяжелей, поступь твёрже, и в моменты нужды они не рассыпались, словно дикая стая животных, а сплывали в крепкий горный хребет, что невозможно перешибить ни дождю, ни ветру, ни зависти людской. Только время властно над ними.

Отсюда и пошло волшебство. Вера в невозможное, чуж-

дый взгляд на мир, радость, когда хочется плакать, трепет перед обычными вещами и множество мыслей, что озвучить вслух было бы слишком страшно.

В общем, волшебство...

И только двое во всём мире могли выявить его из тысячи тысяч и признать. Звали этих мальчишек Андре и Стэн, и были они родные братья.

На дальний берег широкой реки бегали неспроста, да и никто не смог бы заставить этих двух сорванцов, если бы сами не захотели. Уж больно своевольными ребята росли у родителей, что были слишком замкнуты и погружены в бесконечную работу, да так, что, бывай они дома чаще, чем хотелось бы, большой двухэтажный особняк всё так же был бы заморожен тишиной, как и годы назад, когда храм одного из богов так и остался обычным жилищем и был забыт, как и всё в округе...

А мальчики любили бегать за волшебством. Наперегонки, в кромешной тьме, когда не видно ничего, кроме отблеска от фонарей, россыпи звёзд да мутного фонаря Луны, что всегда уныла и зажигает огарок своей яркости далеко не всегда. Именно в тот час, что соседствует с рассветом и признан как самый тёмный, но именно тогда и следует бежать, иначе станет совсем скучно, а дальше... Скука доведёт до сна, сон до разочарования, а последнее выльется в лень и определит ваше скромное место в обществе на уровне обывателя, но никак не исследователя.

Карта у каждого из братьев была своя, нарисована вручную, раскрашена карандашами и красками, и точечный путь её вёл прямым через огороды, поломанные ограды, опасные буреломы, мимо цветущих прудов и глубоко заросших колодцев, вплоть до травянистых полей и реки, где курс уходил наискось вверх, забирался далеко, местами столь круто, что приходилось хвататься руками за траву, тащить себя вверх, обрывая слабые стебли, и отдыхать, переводя взбалмученное дыхание к глубокому детскому вздоху, ногам давая передышку и переглядываясь между собой без слов и просто улыбаясь.

Им было непросто. Каждый из них был одинаково нелюбим дома, заранее отстранён от такого человеческого понятия, как «семья», обижен общением, лишён объятий матери и наставлений отца, вечерних посиделок за столом, ужинов, обедов и завтраков – не просто как данности, а именно воспоминаний.

Хорошо, что их было двое.

А началось всё более двух лет назад далеко отсюда. Им только что исполнилось по десять лет.

Они узнали новость случайно в тот жаркий августовский день, когда солнце ещё окончательно не устало от бесконечной летней гонки и светило по привычке ярко и жарко, отдаваясь миру полностью. От догонялок и прятков ребята здорово вспотели, устали и были так грязны, что впору признать их за чужаков, бездомных попрошайек, но никак не благора-

зумных детей из уважаемой семьи.

А они и не пытались строить из себя кого-то. Просто дети, просто счастливые, и это было нормально. Родители их иногда попрекали за легкомыслие и пеняли на то, что их шалости могут навредить и взрослым. Но ребята прекрасно знали, что это всего лишь слова, облечённые в грозную форму, только в назидание.

Андре страшно хотел пить, Стэн валился с ног, и как только они добрались до дома, повалились на крыльцо, вылив на себя кувшин с лимонадом, да так и забывшись на пару минут.

Не описать, как им было хорошо в тот миг. Да, мокрые, немного липкие, босые ноги все в грязи, волосы спутаны, но довольные ухмылки лучше любых слов.

В тот день им всё удалось. Ещё бы – стащить конфеты, забраться на чердак и смотреть старые фильмы на катушечном синематографе с таким треском и шумом, что соседи начинают жаловаться. Сделать бы его тихим! Но вот беда – не из этого века он...

Они приняли душ, переоделись в чистое и только хотели пробраться на кухню за сладким, как услышали препирания отца и матери, что на повышенных тонах вели разговор в гостиной. Мальчишки было в любопытстве заглянули, но тут же отпрянули. Им оставалось только слушать.

– Ты сам говорил, что нам не нужны такие проблемы!.. Что времени сейчас нет, ты вечно занят. Что любую ошиб-

ку можно пересмотреть, любой вопрос задать по-другому и получить ответ, что не будет тебя грызть всю оставшуюся жизнь. Что любые вопросы решаемы в любую пользу...

– А я смотрю, что ты уже смирилась с потерей, да так, что недели ещё не прошло, а ты нос воротишь.

Резкий вскрик матери стал понятнее любых слов.

– Как ты можешь!..

Отец молча прошёл по комнате и остановился напротив двери. Нет, он не закончил разговор, просто не хотел видеть свою жену.

За это лето Генри очень устал. Его лицо приобрело черты его деда, что покинул мир слишком рано, учитывая, что все болезни давно победили, а душевные хвори были на грани полного исчезновения. Морщины поселились в уголках глаз и рта, седина поцеловала его в виски, некогда аккуратная бородка и усы перестали быть ухоженными, а сам он стал слишком нервным.

Работа вымотала его. Мальчики не помнили, чтобы всё лето они сидели на одном месте. В прежние годы они и дня не хотели терять, все были в движениях, в планах, в бесконечных идеях и на всё готовы. Год назад они вчетвером пешком преодолели путь от Северной скалы до Шумных Деревьев, что не давали пройти дальше, да это было и ни к чему. Леса чернели на карте густым мрачным пятном, и так до самого Обрыва. Весь путь у них занял почти месяц. Они жили в палатках, ели из котелка, пили из ручьёв, ложились рано,

вставали ещё затемно, тратили на дорогу до десяти часов в день, и как же они были счастливы.

Настоящая крепкая семья, без изъянов, равно как и без надрыва и излишества.

Позапрошлый год им запомнился поездкой в дальний путь, к самому чистому Озеру на Земле, а ещё раньше они прошли подземным путём дорогу, что совершил первый из новых людей Мира Грядущего, от катакомб убежища выживших до безумно долгого перехода к новым землям: чистым, девственным и когда-то предназначенным только для избранных.

Но больше всего ребятам понравился, конечно, поход дикарями, что просили повторить и в этот год – может, в других местах, но обязательно повторить. Отец ещё зимой кивнул и обещал подумать. А потом была весна, пришло лето, вот уж и осень недалеко. Но ничего...

– Ты не слышишь меня. Не слышал, когда я тебе рассказывала, да и сейчас твердишь одно и то же.

– Я поменял своё решение.

– А что, в сущности, изменилось? В любом случае ты выступаешь против меня. Всегда таким был.

– В данном случае не о тебе идёт речь. В первую очередь я размышляю о том, насколько ему будет плохо или хорошо. Как устроить так, чтобы он не страдал.

– Оставь его, Генри. Оставим в покое. Ему там хорошо, так зачем беречь старое?

– Да что ты за мать такая?! – он повернулся к супруге и посмотрел на неё.

Она не выдержала, отвернулась. Одетая в серо-чёрное платье, Герда была хорошим человеком, но вечно сомневающимся. Ей была небезразлична любовь к семье и дому, что она заполняла уютom, начиная с прихожей и до последней салфетки в стаканах, но серьёзные вопросы всегда были в ведении мужа. Тут она нервничала и терялась, призывала на помощь всю свою храбрость и опыт, но в итоге не справлялась и отступала в сторону, крепко держась за своего Генри, что всегда вставал впереди неё и решал проблемы, какими бы они ни были. Её небесно-голубые глаза в последнее время всегда были печальны, да и волосы она собирала в строгий пучок, не давая им быть свободными, как раньше, словно они стали страшно мешать ей.

– Да, я мать. И мать хорошая, надо заметить. Ты, верно, забыл, каких сыновей я тебе родила. Они – твоя копия. Я все силы вложила.

– Я знаю... иначе бы и не напомнил. Но ведь есть и тот, кто твоей любви как матери ещё не познал.

– Он так далёк и такой чужой... Я всё понимаю как человек, и со стороны это может показаться очень дико, но как мать я бы ничего не меняла.

– Объясни, пожалуйста, свои слова. Потому что я сейчас перестал тебя узнавать.

Герда вздохнула, посмотрела на улицу:

– Мальчиков давно нет. Скоро стемнеет...

И пододвинулась к самому краю своего кресла.

– Мы знаем слишком мало. Ты помнишь, как всё было?

Беда пришла внезапно и уничтожила наш дом. Мы спрятались, целый год жили в глубокой пещере. Там я родила своих сыновей. А дальше произошло чудо, и Смелчак нашёл выход. В страшной суматохе мы выбрались оттуда. Переход, кошмарней которого даже конец света, мне показался милей. Ведь там произошло...

– Скукота какая, – прошептал Стэн, – давай испортим, веселей будет...

– Да тихо ты, ничего не слышу, – шикнул на него брат.

– Ты совсем перестал играть по нашим правилам, всё себе забрал.

Андре заехал ему локтём под рёбра и ещё ближе подобрался к двери. Кулак предупреждающе завис под носом брата.

– А мне всё равно!

Сильный толчок в спину – и старший из сыновей так и влетел в гостиную, кубарем покатился по полу.

– Это ещё что такое? – рассердился отец.

– Мальчики, – растерялась мать.

– А всё из-за того, что все вы слишком скучные, – прокричал Стэн и со всех ног бросился наверх. Топот его быстрых ног затих вслед за хлопаньем дверью.

– Андре, что у вас опять происходит? – отец не кричал,

скорее был растерян.

– Не слушается...

– Ты его старше, должен контролировать.

– Да целый день с ним носился и играл, – поднялся на ноги парень, – как его ещё образумить, не понимаю!..

– Ты должен говорить с ним. Тычками и затрещинами тут не поможешь, – взяла слово мать, – нужно общаться.

– Да я каждый день с ним вместе провожу, даже в школе.

О чём мне с ним говорить?

– Я бы в детстве нашёл, о чём поговорить с другом.

– Так это с другом, пап. А тут брат... Друзья у меня были бы умными, у нас темы рождались бы только так. А этот... тупой, как бревно.

– Не смей так говорить, Андре! Я вас растила другими.

Что я вам говорила? А ну, повтори.

– Не буду.

– Что значит «не буду»?.. Это же главный наш девиз.

Сын молчал. Скрестил руки на груди и исподлобья смотрел на родителей, упрямый и злой.

– Ступай за братом. Сегодня ни сладкого, ни ужина. Оба наказаны.

– Как скажешь, – процедил сын.

Развернулся и быстро вышел из комнаты.

– Генри, что ты творишь? Он должен сказать наш главный девиз. Это не вчера придумано. А десять поколений семьи Девайвов с гордостью...

– «Когда добро сильнее лжи,
Сквозь мрак иди вослед него.
Огонь погаснет, воскричи,
И слово пробудит его».

– Я его прекрасно помню, Герда. И дети. Но каждый божий день просить цитировать – не слишком ли это?..

– Я не знаю, – не смогла сдержать разочарования мать, – я всего лишь пытаюсь, чтобы в нашей семье все помнили свои корни.

– Они помнят... Ты не видела, но мальчики такой доклад подготовили к школе. Всё лето над ним корпели. Он о нашем прошлом и будущем, о семье нашей, о том, что всё будет хорошо и что главная ценность в том, что мы вместе, и в этом сила.

– Я что-то пропустила. Но, помнится, ты сам вызвался помочь Андре и Стэну с летними занятиями.

– Да, так и есть, но всё же они молодцы. Хочешь прочитать?

– Пожалуй, воздержусь до осени. Это же то задание, что им дали подготовить для первого учебного дня?..

– Там будет много народа, вся школа соберётся. И представь себе наших мальчиков, красивых и нарядных, читающих с трибуны свой рассказ о том, как они всё видят.

– Ты им помогаешь? Хоть отчасти?

– Они сами всё сделали, я лишь редактирую, переставляю

местами слова.

– Генри.

– Что? – рассеянно оглянулся он.

– Мы так и не закончили разговор.

– Да... ты права, надо закончить, – он ушёл в себя и минуту молчал, блуждал глазами из стороны в сторону.

– А впрочем, есть у меня одна идея...

* * *

Второй этаж дома был не в пример интереснее первого. И если внизу всё внимание было уделено интересам взрослых с их скучными делами, непонятными разговорами, книгами и стопками испещрённых почерком отца бумаг, то место, где заканчивалась лестница и начинались разноцветные половицы, кроме как сказкой, назвать было нельзя.

Во-первых, весь этаж был отдан под интересы мальчишек. Небольшая, но вместительная спальня вобрала и впитала в себя их личности с самого рождения вплоть до сего дня. Чем они увлекались, кем себя видели, какую музыку слушали, о чём думали и как себя выражали, – всё это здесь. Стены в рисунках, картинках из старых журналов и картах школьных атласов. Множество пунктиров и стрелочек, нарисованных поверх всего, шли от входной двери, тянулись по стенам, достигали потолка, сшибались между собой, раздваивались, растраивались и шли в новые атаки. Но по ним ни в коем

случае нельзя было судить о враждебности братьев – скорее об их интересе к путешествиям.

Две одинаковые кровати в духе первых колонистов аккуратно пристроились у овального окна, глядящего на большое ветвистое дерево, что беспрестанно шевелило своими дланями, создавая шум – движение и умиротворение от того, что оно рядом.

Другая комната была детской игровой. Раньше туда можно было войти, споткнуться и заблудиться среди одних только игрушек, но стоило ребятам подрасти, игрушки исчезли, но появилось два письменных стола с настольными лампами и большая железная дорога, что тянулась вдоль стен, поднималась по росту мальчиков и снова опускалась до пола, делая три больших красивых круга, вдоль всей комнаты.

Ребята любили играть с поездом, посылая друг другу записки. Их рабочие места во избежание баловства и излишнего отвлечения располагались «лицом» к стене и «спиной» друг к другу. Поворачиваться всё время устанешь, да и надоест это быстро, к тому же и школьных заданий хватает, а вот черкнуть записку, положить машинисту в кабину и запустить вагон вдоль окна к брату – это дело они любили больше всего.

Писали разное:

«Чего молчишь?»

«А о чём с тобой говорить?..»

«У меня задание тяжёлое...»

«А у меня не очень. Завидуй, нытик!»

«Чтоб я тебя ещё раз послушал! Да в жизни не будет...»

«Посмотрим, посмотрим. Болтать горазд да жаловаться, а как смотришь в глаза, так сразу отводишь. Ты просто трус, братец!»

Это могло продолжаться бесконечно. Родители знали. Находили кучу скомканных листочков в мусорном ведре. Мать всегда качала головой и каждый раз обещала уменьшить их бумажные расходы. А отец, наоборот, заступался. Он прочитал все до единой записки и видел в них не только безделье, но и общение.

Да, не по делу, больше чтобы подразнить и рассердить друг друга, но там была и солидарность, почти незаметное, но утешение, братское «похлопывание по плечу», любовь, облечённая в чересчур агрессивную форму, и диалог, что они не хотели вести, глядя друг на друга, но могли написать на бумаге...

Ещё в этой комнате было большое окно во всю стену. Оно смотрело вдаль и не видело окружающего города. Единственный дом на всей улице, что стоял боком и, в отличие от собратьев, вёл нескончаемую беседу не только с соседями, но и засматривался назад, туда, где не было шума и гама, где осенью, когда листва благополучно облетала, становилось видно рыжие низины, что крепили между собой крупные швы из деревьев и кустарников, и где закаты были особенно хороши.

Иногда у дома были мысли о том, чтобы уйти. Однажды проснуться поутру, понять, что всё надоело, поднатужиться, подняться и тихо-тихо, осторожно, бочком уйти. В те самые низины, где нет никого. А чтобы не нашли, спрятаться среди деревьев, стать тенью и травой и просто жить дальше, пока верная рука времени не настигнет и не разрушит, что обычно делает со всеми.

Когда закат укрывал землю своим полотнищем, мальчики садились в первых рядах. И если они не гуляли до позднего часа, то точно были в своей детской, сидели рядышком на полу и щурились на чересчур яркую красноту, наслаждаясь теплом и радуясь. Очень редко, но их можно было застать там же и утром, когда, заспанные, они больше дремали, чем действительно желали видеть восход. Тогда кто-то тащил из постели другого, и наоборот. Но как только дрёма проходила, четыре больших глаза были честны и видели любимое, а не делали так, потому что привыкли. И вот тогда они становились ближе, чем братья, тогда в них угадывалась родная кровь.

* * *

Андре почти ворвался в спальню. Его брат сидел в самом углу. Стэн подобрал ноги к подбородку, обхватил руками и задумчиво следил за листвой, что вяло шевелилась за окном.
– Убить бы тебя за это, – сердито бросил Андре.

Ему так хотелось ударить назойливого мальчишку.

– Как думаешь, мы нужны им?

– О чём ты?

– Маме с папой? Они говорили так, будто мы им очень мешаем. Отец – и тот был сердит, а мама как-то странно говорила. Ей было не всё равно, но она словно в сторону хотела отложить весь разговор.

– Эй, разговор нельзя вот так просто отложить, словно вещь. В коробку его не закроешь.

– Я знаю, не глупый, – Стэн сердито обернулся, – и я бы не стал просто так тебе жаловаться. К тому же ты давно перестал меня слушать... Я о другом говорю. Родители что-то скрывают.

– Взрослые постоянно так поступают. На то они и взрослые. В их мире столько всего происходит, что говорить обо всём было бы странно. Но это их дела. Пусть и решают их сами. Нам-то что?..

– Ты вот вроде и старше меня на полчаса, а совсем не видишь перед собой часов. Речь-то о нас.

Андре призадумался.

– Не может такого быть. Случись какая проблема, нас бы уже отчитали, наказали, заставили бы отрабатывать. Ведь сам подумай: если мы что-то натворили, разве они советуются по несколько дней? Да нет, сразу и получали по первое число. Что мы, не пуганые, что ли? Стэн, скажи?..

– Не знаю я... Только странно мне очень и тревожно.

Андре махнул на него рукой и ушёл в детскую.

* * *

Не прошло и часа, как родители позвали их, поднялись наверх, и они с Гердой устроились на стульях.

– Разговор будет серьёзный.

– Ну вот, попали, – пробормотал младший.

– Вы ни в чём не виноваты, – заверила их мать.

– Да, речь не о вас... Она больше о недавнем прошлом.

И... вы должны будете понять нас. Это будет непросто.

Братья неуверенно встали перед ними.

– Сядьте, сейчас лучше присесть, – невесело улыбнулась

Герда.

Мальчики сели на пол.

– Итак, – потёр колени Генри, – речь пойдёт о нашей семье.

Стэн мельком взглянул на Андре:

«Что я говорил!»

– Вы оба знаете нашу историю, историю нашей семьи. Семья Девайвов и семья Якулов. Наша славная память, удивительное прошлое, что мы никогда не забудем.

Герда странно посмотрела на своего мужа и покачала головой.

– Что? Разве я не прав? Мы чтим это время, помним все наши девизы. Но мы не можем не признать, что мы живём

здесь и сейчас, а прошлое – оно... в прошлом. Иногда оно напоминает о себе. Не так, конечно, как наша любимая мама вспоминает стихи, что стали основой для чести и жизни семьи её деда, но налетает как птица, внезапно и иногда страшно и горланит: «А вот и я!»

Это всегда внезапно и обезоруживает... И, скажу вам откровенно, мальчики, наше прошлое настигло нас буквально... Не прошло и десяти лет, как... Оно очень сложно и понять его будет трудно.

Мужчина с трудом подбирает слова. Дети чувствовали, что отцу очень трудно, но не понимали, как помочь.

– Вы появились на свет в пещере, – попыталась помочь супругу Герда.

Она дотронулась до его руки.

– Спасибо, – улыбнулся он.

Еле заметным движением он сжал её ладонь.

– Мы знаем место нашего рождения, – начал было Андре, – мы всю нашу историю знаем.

– Вы не знаете только одного, – Генри понизил голос. – Вы родились в пещере, и было вас трое.

– Конечно, трое. Я и Андре. Только... не трое, пап, а двое.

– Нет, – снова покачала головой Герда, – именно что трое. Тройняшки. Каждый с разницей в полчаса. Первый был Андре, второй – Стэн, а третьего брата мы так и не успели назвать.

– Где он?

– Потерялся при Переходе.

– Как это... потерялся? – у Стэна и Андре глаза превратились в плоски.

– Не нарочно. В суете, криках, давке, злобе и проклятиях.

– Его убили?

– Мы думали, что он погиб.

– Думали?

– Расскажите нам всё, – очень серьёзно попросил средний брат.

– Тогда лучше я, – сказал отец. – Итак, вы родились через четыре месяца после того, как мы оказались в пещере. Честно говоря, все думали, что вы не выживете. Условия были первобытными, медиков не осталось: последний врач умер за месяц до родов Герды, и мы очень надеялись, что выживет хотя бы один... Поскольку знали, что вас как минимум двое. На тройню мы не рассчитывали. Но родились вы, и это было чудо. Все наши мальчики выжили, – он спрятал свою улыбку.

– А он точно был наш брат, а не сестра? – осторожно поинтересовался Стэн.

– Самый настоящий.

Мальчики захихикали.

– Вы родились здоровенькими, сильными и очень улыбочивыми. Вы были похожи на нас, все это подмечали. Люди, почти каждый, кто выжил вместе с нами, дали нам что-то из своих вещей, чтобы вы не замёрзли, не заскучали, не пла-

кали, не умерли и не голодали. На целый месяц выжившие забыли, что приключилась трагедия, и были заняты только вами. Удивительное время... Но потом назад вернулся Первопроходец, или Смелчак, как его все называли, и объявил, что нашёл путь наверх. Что там есть земля, что она тверда, зелена, на ней растут деревья, они дают плоды. Там нет провалов и Солнце всё такое же жаркое, как и было до Обвала. Но идти нужно долго, идти далеко, и как минимум недели две в пути мы точно проведём. Но куда там. Никого это не запугало. И в суматохе, спешке наш отряд выдвинулся в глубь пещер... Мы шли с вашей матерью не первые, где-то ближе к концу, да и смысла пробиваться вперёд с нашей-то ношей – с вами – не было... Нашей с Гердой главной задачей было выбраться на свет, донести вас живыми и постараться увидеть вас взрослыми, то есть вырастить, пусть даже и в диких условиях. И у нас всех это получилось!

Мы шли, перебирались из пещеры в пещеру, нескончаемые шахты туннелей чередовались – одна длиннее другой... Но мы не сдавались. Наверное, можно было идти ещё быстрее, но договор был именно в том, чтобы не спешить. Ведь в спешке много чего упускают, забывают, делают глупости... Да, в самом начале была небольшая истерия, но почти все успокоились. И надо вам сказать, ребята, что мы с Гердой были не самыми медленными. С нами шли старики и малые дети. Не как вы, совсем ещё младенцы, но глупыши, от пяти лет и старше.

Я слишком долог, знаю... Медлю, поскольку подхожу к самому важному и страшному.

Наступил такой момент, когда нужно было лезть наверх через дыру в потолке, чтобы пробиться в пещеры уровнем выше. Ближе к поверхности. И так по нарастающей, всё выше и выше, вплоть до правительственных туннелей. Вот только самый первый и самый узкий лаз многим дался не с первого раза. Да и не было той дыры в природе, если бы Смельчак не пробил её, словно чувствуя, что дальше будет выход...

Многие не справились, силы покинули их, и тогда мы обвязали их верёвками и втаскивали наверх, иных проталкивали, а некоторых просто скручивали, поскольку у них сдавали нервы и они не хотели двигаться дальше. Я был одним из тех, кто забрался наверх и помогал подниматься остальным. Дня два мы потеряли, задержавшись на одном месте... Наконец, поднялась и Герда. Сначала она передала наверх тебя, Стэн, а сама пошла следом с Андре на руках. Третьего нашего малыша мы отдали на руки Марте, что должна была подняться позже. Очень добрая и умная женщина. Вот, значит, так...

А потом случился обвал. Потолок и часть стены верхней пещеры просто обвалились вниз. Все, кто стоял внизу, все пятьдесят человек, Марта и третий наш сын просто погибли. А знаете, почему?... Они не успели вовремя подняться. Глухой рокот, оглушительный треск – и через мгновение огни внизу погасли.

Генри обхватил себя руками, словно ему стало очень холодно. Взгляд упёрся в пол. Дети не понимали, кому он рассказывает. Складывалось впечатление, что самому себе. Герда безмолствовала.

– Мне... мне послышался подземный толчок, и показалось, что обрушение было неслучайным. Землетрясение было всему виной. Но вот память – дурная штука... Я так до конца и не могу сказать с уверенностью, был этот толчок до обрушения или он слился воедино с другими звуками, когда всё кончилось... Может, я путаю. Никто не выжил, никто, слышите, дети?.. Ни одного звука мы не услышали.

Зато мы так кричали. Герда просто выла...

От бессилия мы начали разбирать завал и работали, пока камни не были перемазаны нашей кровью. Настолько мы ободрали наши руки.

Я заснул прямо там.

Проснулся, услышал сердцебиение и подумал, что это его, нашего малыша.

Но нет. Оно было моим.

Я было снова начал разбирать и таскать, но меня остановили. Смелчак подошёл и сказал, что бесполезно. Все смотрели на меня, как на дурака, или не смотрели вовсе.

А Герда, мать ваша, это очень сильная женщина.

Вы знаете об этом? Она приняла всё, как есть. Всего за одну ночь. И когда я сказал, что нельзя сдаваться и у них, всех тех людей, кто остался там, есть шанс, она дала мне в

руки ребёнка, я уже не помню, кого из вас, и просто сказала, чтобы я заботился о нём...

Сильнее поступка я не видел в своей жизни.

– И что же вы сделали? – громким шёпотом спросил Стэн.

– Мы пошли дальше. А через два дня выбрались на свет, наружу.

– А что же наш брат? Так и остался там лежать? – голос Андре был более резок.

– Да. Он до сих пор там... Должен был быть, но тут случилась одна вещь.

Отец спохватился, словно ожил, вырвался из своих невесёлых воспоминаний и снова взглянул на сыновей.

– Я не хочу комкать рассказ... Поведаю всё как было.

Стэн кивнул. Андре устало откинулся на руках.

– Мы спаслись. Все сто двадцать шесть человек покинули своды туннелей и, Боже, как мы радовались!.. Хорошо, что наше появление под небом произошло ночью, иначе многие из нас повредили бы зрение.

И так пришлось два дня привыкать к солнечному свету. Мы просидели всё это время в скале, не в силах вынести такой яркости. Почти пять месяцев как мы не видели солнца!..

Немного обустроились и всё же вернулись на то место, где потеряли людей, и снова пытались растащить камни, разбить их молотами, но всё напрасно. Эта могила оказалась неподъёмной...

– Подожди, постой, – перебил отца старший сын, – но мы

же были там... Прошли весь путь от места, где вы жили после Обвала, до самого конца. Но я не помню никакого узкого лаза или, как вы там его называли, ни даже... Уж здоровую кучу камней я бы как-нибудь заметил!

– Нет, Андре, ты бы её не увидел. После случившегося было принято решение, чтобы мы никогда больше не вспоминали о трагедии. Чтобы дети наши не знали, не грустили понапрасну и чтобы росли счастливыми. Это было целью. Безусловно, когда бы вы подросли, мы обязательно поведали бы вам всю правду. Но зачем вам знать сейчас?.. И то самое место в пещере мы просто обошли стороной, обнаружив много лет спустя другой лаз уже природного происхождения. И вот его-то вы и помните...

– Сплошной обман, – сердито заметил Андре.

– Мы на него сами попались, сынок.

– Как это?

– А вот сейчас мы подошли к тому моменту в нашей истории, о котором сами узнали совсем недавно.

– Это-то и было нашей целью, – вставила слово мать, – обрадовать вас счастливой новостью, а не наводить страх.

– Но одно без другого редко случается, поэтому я и начал с плохого... Но слушайте, дети, и слушайте внимательно. Ваш брат жив!

– Как?!

– Что?!

Братья были растеряны. Только что им поведали историю

боли, новую главу их семейной легенды, где лгали все, красили чёрное в белое, где математика не имела значения и цифра «2» легко могла превратиться в «3». И что же?.. Вот так просто, резко и играючи мертвецы оживают, становятся чем-то вроде страшных сказок, не просто рассказанных на ночь, но и ярко иллюстрированных, не плоских, а вполне осязаемых?..

Андре схватился за голову, не в силах принять и уместить новость в своём разуме. Его брат спрятал в ладонях лицо.

– Вы только поймите правильно, мы сами узнали об этом неделю назад.

Мать пыталась улыбнуться, но натянутая маска сквозила фальшью, и тогда она просто вернулась к тревоге, что одолевала её столько дней.

– Мальчики, эта новость взбудоражила весь город. Все, буквально все знают о ней. И вы бы уже давно нам все уши прожужжали про новых людей, если бы общались хоть с кем-то из своих сверстников.

– Сейчас лето, мы не обязаны видеться.

– И к тому же у нас и друзей-то нет...

– А вот это очень плохо, ребята... Но мы не про это. Произошло невероятное. Ровно девять, нет, десять дней назад ребята из пещерных обходчиков, ну, те, что проходят часть самого опасного участка на «туристической тропе», услышали шум в одной из пещер. Они пошли на звуки. И как же они были... – Генри не мог подобрать слово, – поражены... по-

трясены, когда в небольшой дырке в стене скалы, пробитой явно нарочно, они увидели лицо человека. Причём чужого человека!.. Вы представляете?!

В комнате воцарилось молчание. Мужчина так и застыл с раскинутыми в стороны руками, восторженный и явно в ожидании реакции.

– Вы понимаете, о чём вам только что сказал отец?

– Чужаки?.. Это те, кто выжил после Обвала?.. Или те, кто выжил после камнепада?

– Молодец, Андре! Конечно же, это один из тех, что был в нашей команде... Мы-то их посчитали погибшими, и часть из них, всех тех пятидесяти человек, действительно осталась лежать погребённой, но те, кто сидели в ожидании у дальней стены, выжили. Среди них попались и счастливички, кто успел отскочить в сторону, когда камни обрушились на них. Среди них была и Марта, что спасла нашего ребёнка, прикрыв его своим телом.

– Она погибла?

– Нет, Стэн, она выжила, хотя камни её сильно придавили. Но вот до дня сегодняшнего не дожила... Умерла три года назад. Стара была.

– А почему вы думаете, что это не те люди, что смогли выжить после Обвала?

– Ты что, дурень? Отец тебе только что сказал, что это люди Камнепада. И с ними наш брат. Так как они могут быть другими?..

– Сын, я очень ценю то, что ты признаёшь своего брата и защищаешь его, но прошу не говорить так больше со Стэном. Он просто не до конца всё понял.

– Вы его видели? Мам, пап? Брата нашего?..

– Пока нет. Там всё очень сложно. Добраться до этого «окошка» в стене скалы – на грани фантастики. И тут подтверждается моя теория по поводу землетрясения, что спровоцировало обрушение и гибель людей...

Но вернёмся к истории. После того как потолок рухнул и придавил всех тех, кто не смог выжить, а это более двадцати человек, люди внизу, как и мы сверху, начали откапывать их, надеясь на чудо. Но так же, как и у нас, они ничего не смогли сделать. Достучаться у них не получилось. Два дня люди копали, и кричали, и кололи камни... А после начали искать выход, другой проход, что будет более милосерден.

Он нашёлся.

Это был совершенно другой ход, и вёл он в другом направлении. Ещё неделю они шли через бесконечный лабиринт пещер, туннелей и тупиков. Но в конце концов выбрались в огромную пещеру, что была забита припасами, ящиками с одеждой, инструментами и прочим, прочим...

Когда они смогли выйти наружу, поняли, что перед ними точно такое же место, куда попали и мы с вами, только, наверное, раза в два больше... Да и оснащены они лучше. Если наше Плато предназначено для земледельцев и людей мелкотравчатых профессий, то наши, с позволения ска-

зять, соседи имеют больше возможностей. Готовые проекты и материал для искусственных домов, водоёмы. Создание съедобной и даже вкусной еды и воды с помощью последних технологий, что смогло придумать человечество. Та же самая жизнь, что и у нас, только с большими возможностями и качеством жизни.

– Когда мы увидимся со всеми ними?

– Стэн, детка, пока это невозможно. Они недалеко с точки зрения расстояния, но... недоступны. Проще говоря, увидеть мы их сможем, но обнять – пока нет... Если же смотреть с самого края нашего Плато, то можно понять, где они. Два раза в день, утром и вечером, свет солнца от их сооружений сильно отражается и блики вполне различимы, несмотря на вечную дымку, что стоит над пропастью.

Все молчали.

– Мать не станет вам врать. Всё так, как она и говорит.

– Вы-то не вдали? – фыркнул старший из сыновей. – Да я не помню, чтобы у нас было столько лжи!..

– Это было во благо, – склонилась над ним Герда. – Правда не сделала бы вас счастливей. Она дала бы лишь новые вопросы, а я сама на них ещё не ответила. Всё очень сложно. Например, каждый день я мучаю себя: «А почему я не могла взять двух малышек разом? Почему так легко сдалась? Как могла бросить погребённого под камнями сына и просто уйти, да ещё и мужа отговорила попытаться?..» Я клянусь ими себя каждый день.

– Герда, зачем ты... – услышала она шёпот Генри.

– Но теперь всё хорошо. И скоро, очень скоро мы сможем увидеть их, познакомится и поговорить. Это ли не радость?..

Она искренне рассмеялась и крепко обняла сыновей. Младший сразу обхватил свою мать, старший был задумчив, его рука только для вида легла на спину родительницы. Отец видел и хмурился.

– Расскажите подробнее, как они доберутся до нас, – Андре поднялся и стал ходить по комнате, разминая ноги.

– Ну, они будут строить дорогу. Железную дорогу через пропасть.

Генри тоже не смог сидеть и подошёл к окну.

– И где, как вы говорите, можно увидеть отблески? Мы бы хотели посмотреть.

– Это очень далеко... На самом юге, в том месте, где должен быть ещё один посёлок. Я про него рассказывал. Сразу за ним поле, небольшая рощица, река. И Обрыв.

– И оттуда видно другую землю?

– Землю? Нет. Только свет, что отражается от блеска их металла и стекла. Это в солнечную погоду. Когда тучи, не видно ничего. Мы с вами, помните, очень давно ездили к Обрыву на восток.

Братья кивнули.

– Так вот там, на юге, то же самое.

– Один туман, дымка да пар, что вечно поднимается из

провалов.

– Правильно, Андре. Точно так. Никто не думал, что может быть другая земля, ещё выжившие, и... как же долго мы были слепы. Увидеть бы всех побыстрее. Узнать бы его...

– Я думаю, мы его найдём, – поделился мыслью Стэн. – Он же одного возраста с нами. И роста. И цвета волос. Наверное...

– Нет, я о другом, сын... Я о другом.

– И сколько они будут строить свою дорогу? – Андре смотрел на отца.

– Два года.

– Два года?! – воскликнул мальчик. – Да за это время мы с ума сойдём. Это просто безумие!

– Быстрее у них не получится. Люди, что тогда выжили, были разные, но среди них не было ни строителей, ни инженеров. Поэтому те немногие, что обучаются по книгам, так медлительны. Они не специалисты, всего боятся, им страшно сделать неправильное движение или принять решение, что всё погубит. Поэтому мы до сих пор и не знали, что они есть... Будь там хоть один профессионал, тут бы уже мост был бы. Но мы вытерпим, правда, ребят?

Он впервые оторвался от созерцания неба и взглянул на семью.

– У меня столько вопросов, – Андре покачал головой. – Например, почему нельзя найти проход в пещерах и создать нормальный туннель?

– Мы говорили об этом. Со Старшим, с людьми, знакомыми со строительством, обсуждали разные варианты, но на протяжении всего пути под землёй нельзя пробить проход, не создав новый камнепад. Тем самым потерять ещё кого-то. На это мы не согласны... Да, они пробили малую дыру для того, чтобы мы могли узнать, что они есть, но расширить её невозможно. Вы не представляете себе, как это опасно, и снова испытать весь этот ужас, страх... Нет, уж лучше подождать. На другие вопросы вам ответит Старейшина. Он в курсе всего лучше меня. Расскажет и объяснит.

Стэн, как мячик, подскочил и бросился было вниз...

– Но только завтра! Сегодня уже поздно. Солнце клонится к закату. А с утра я поговорю с Йеном, и где-нибудь после полудня подходите к нему. Он уделит время.

– А что же ты? – немного насмешливо спросил Андре.

– Я просто всего не знаю. Честно. Мы... – он посмотрел на Герду, та поправляла волосы, – слишком измучены.

– Мы подумаем над тем, сможем ли принять нового брата.

Отец поджал губы и нахмурился.

– Да, я подслушал ваш разговор, до того как влетел в комнату. Только не ругай меня... Мы подумаем с братом. Новый брат у нас появился внезапно... Это непростое решение... Правда, Стэн?

– Да, – твёрдо качнул головой парень.

Родители недоверчиво переглянулись.

– А мы... мы уже решили, – поспешила Герда.

– Спасибо, что выслушали нас и не отвергли сразу... Он, безусловно, наш сын, а вы – его братья. И, что бы мы ни решили, вместе или по отдельности, более чужим, чем сейчас, он уже не будет. Как и более родным. Но я очень вам благодарен. Мы благодарны.

Отец поспешно вышел из детской.

Мать долго смотрела на своих детей, а потом смахнула слезу.

– Ужин будет ждать внизу. Я всё приготовлю. И сегодня... можете лечь спать попозже. Она подошла к каждому из мальчиков и подарила им свой поцелуй.

* * *

В тот же вечер, немного позже, перекусив, братья украдкой пробрались на самый верх. Выше своего этажа и чердака, туда, где небольшой балкончик нависал своим пузатым брюшком над главной улицей городка. Здесь они любили бывать втайне от родных. Свесить ноги вниз и болтать ими в воздухе, пытаясь иногда достать до шершавой черепицы. Это случалось, но редко. Мальчишки были слишком малы, смелости перелезть через балюстраду не хватало, да и зачем это вообще делать, если можно просто посидеть, и никто тебя не окликнет, не позовёт, не рассмешит и не разозлит.

Ночью жизнь вымирала. В домах загорались огоньки, но чем было позже, тем быстрее они гасли, давая отдых сво-

им хозяевам, долгожданный сон, забвение, тепло и семейный уют, что окружали здесь каждого человека.

Братья долго молчали, поскольку любили тишину, смотрели по сторонам, а потом просто пообещали друг другу, что обязательно примут своего брата, полюбят его, возьмут под опеку, и если кто-нибудь снова будет посягать на их воссоединение, тому не будет пощады. Они были ребята решительные и всегда отвечали за свои слова.

* * *

В последние дни лета они успели закончить своё малое сочинение к «Вступительному слову», что предварило новый учебный год. Ребята поставили последнюю точку раньше, чем узнали о своём неизвестном брате, так что им пришлось делать ещё одну запись втайне от родителей на отдельном листке и прятать его, пока не наступила осень. Нет, запрета никакого не было, но братья столько наслушались перешёптываний, недомолвок и фантазий от своих сверстников и не только, что хотелось высказаться от своего имени, сказать хоть немного правды и спросить: «А почему все молчат?»

Незадолго до конца лета всех учеников собрали в школьном доме и сообщили, что Старейшина скажет слово и, скорее всего, впервые объявит о «новых людях», соседнем Плато и дороге, главном строительстве Нового времени.

Братья промолчали. Они не собирались сдаваться.

Официально от каждого класса выступал один человек на тему, что могла быть полезна и интересна собравшимся, но раз двойняшки выступали первыми, то им предложили написать о Новом Мире, месте, где они выросли, прошлом и будущем, поскольку Осень этого года отмеряет десять лет от начала их второй жизни. Мальчики со всем согласились и подготовили, отец одобрил, но... под самый конец братья задумали сюрприз.

И вот наступил первый день Осени.

Вся лужайка была заполнена людьми. Первый день любого из четырёх времён года считался выходным, и поэтому все, буквально все жители пришли к Дому, где учится новое поколение, чтобы поучаствовать в празднике. Это были взрослые и старики, подростки, что уже окончили школу, и совсем малые дети, что больше мешали, чем слушали, поэтому их доверили няням и игрушкам.

Сидячих мест было немного, их занимали самые почётные жители города. Старейшина, учителя, родители и самые пожилые гости, что просто не могли не прийти.

* * *

– Всем здравствуйте! Нас зовут Андре и Стэн Дивейвы, и мы ученики третьего класса Первой Школы Нового Мира. Надеюсь, вы не обидитесь, если мы будем читать наше сочи-

нение поочерёдно, иначе кто-то из нас обидится на другого, а так как мы братья, нам очень трудно договориться.

Все рассмеялись. Генри и Герда улыбнулись и взяли друг друга за руки.

«Узнаём своих детей», – читалось в их взгляде.

Он был не укоризненным, а полным любви и гордости.

Шум немного улёгся, и ребята начали:

– Всё началось в пещере, когда мы родились... Хотя нет, ещё раньше, ведь любая история имеет начало. Так и с нашим миром. Он погиб. Погиб в огне, землетрясениях, земных провалах, лаве, жаре и засухе. Все эти ужасы описаны в Книге Нового Мира, нашей летописи, что будет храниться до окончания времён, но если уж мы начали свой рассказ, то считаем правильным говорить полно, а умолчать об Обвале здесь было бы трусостью.

Наша Земля была изрыта много веков назад. Туннели, метро, полезные ископаемые, войны, подземные города и хранилища, нескончаемые поиски «бесценных нитей» и ослабление религиозных догм, что привело к полномасштабным поискам ада... Всё это не просвещало нас, не делало богаче духовно и не удовлетворяло наши интересы и амбиции, а лишь приближало к концу. Почва под нашими ногами не выдержала. Она начала расползаться в стороны. Провалы были и до этого, но таких массовых изменений наша история ещё не знала. В довершение ко всему конфликт двух сверхдержав завершился силовым решением, когда ги-

гантскую бомбу запустили не в направлении какой-то одной точки на карте, а отправили в полёт в специально вырытый туннель. Бомба пролетела много километров и взорвалась на такой глубине, что страшно и представить... Земная твердь взбунтовалась, и пошли последние часы жизни человечества. Ведь целью пустивших бомбу было не уничтожение противника, а уничтожение всего... Всех людей, всех их достижений, выдумок, фантазий, всех книг и произведений искусства, всех домов, городов и деревень, всех садов, душистых трав и деревьев, всех чудес света, неба и земли... Всех жизней на планете.

Нам мало лет, жизни мы не видели, да и мало знаем про неё, но по опыту нашей печальной истории нам известно:

Тот, кто взял в руки оружие, не обязательно защитник.

Тот, кто куёт железо и заряжает патроны в ружьё, может быть не просто кузнецом и продавцом.

Тот, кто бросает громкие лозунги о мире и защите, уже давно для себя решил, что его доля – ложь во имя лжи, и убийство – его главная цель.

И, наконец, тот, в ком соединятся все эти личности, не может быть хорошим человеком.

Он – волк, убийца, носящий человеческое имя. И что бы он ни говорил, прикрываясь благими намерениями, имя ему – преступник, и нет и не будет ни одного оправдания, которое позволило бы эту вину загладить.

Он – изгой...

Если бы так считали люди, когда было ещё не поздно, мир был бы спасён. Безумцы схвачены, оружие уничтожено, жизнь ценилась бы больше, и вся наша Земля жила бы дольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.